

Отец Казанской лингвистической школы

академия «КА»

*Марсель
Ибрагимов*

175 лет со дня
рождения
И. А. Бодуэна
де Куртенэ

119

13 марта с. г. исполнилось 175 лет со дня рождения Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, учёного, создавшего в Казани всемирно известную Казанскую лингвистическую школу. Автор этой публикации, учившийся в начале 1990 годов в Казанском университете, делится индивидуальным опытом восприятия личности и творчества Бодуэна де Куртенэ и одновременно размышляет о значении его трудов в современном мире. Этот опыт – своего рода двойная оптика: взгляд студента и ныне учёного-филолога, пропущенный сквозь призму видения проблем в области языков, литератур, культур...

В ПЕРВЫЕ о Бодуэне де Куртенэ я услышал в 1991 году, будучи студентом филфака Казанского государственного университета. Кажется, это было на одной из лекций по фонетике, посвящённой теории фонемы, у истоков которой стоял Бодуэн де Куртенэ. Звучная фамилия учёного говорила о его французском знатном происхождении (по родословной легенде, учёный

не зная трудов Бодуэна де Куртенэ, не обладая знаниями, чтобы оценить его вклад в развитие лингвистики, мы ощущали свою сопричастность чему-то значительному, находящемуся, как нам тогда представлялось, в одном ряду с открытием Н. Лобачевского.

Впоследствии имя Бодуэна де Куртенэ часто звучало в устах наших преподавателей, а наши первые впечатления подкреплялись новыми знаниями о его научной деятельности в стенах *alma mater*. Именно в Казани Бодуэн де Куртенэ совершает своё главное открытие: вводит в лингвистику новое понятие – «фонема». Идея казанского учёного о существовании мельчайшей единицы языка, от которой зависит смысл слова, была революционной для мирового языкознания того времени. По своей значимости в мировой лингвистике это открытие может быть поставлено в один ряд с открытием Макса Планка, который

Приоритет учёный отдавал наблюдениям за живыми языками, которые признавались равноправными

происходил из древнего французского аристократического рода Куртенэ, ведущего своё начало от короля Людовика VI), а информация о том, что Бодуэн де Куртенэ создал в Казани известную во всём научном мире Казанскую лингвистическую школу, возбуждала в нас, первокурсниках, чувство гордости: ещё

Марсель Ибрагимов родился (1974) в Казани. В 1991–1996 годах – студент филологического факультета Казанского государственного университета. По окончании аспирантуры и защиты кандидатской диссертации – ассистент на кафедре сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации КГУ. Работал в Казанском университете (с 2007 года – в должности доцента). Занимался сопоставлением русской и татарской литератур, изучением выражения национальной идентичности в литературе. С 2018 года – в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. В настоящее время – зам. директора института по инновационной деятельности и внешним связям, заведующий отделом текстологии. Автор работ по сопоставлению литератур, русско-татарским литературным взаимодействиям. Кандидат филологических наук, доцент

ввёл совершившее переворот в физике понятие кванта. Фонема – это своего рода квант языка.

В биографии Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) есть факты, которые трудно оставить без внимания. Научная деятельность родившегося в небольшом польском городке Радзымине учёного связана с несколькими университетами: Казанским, Дерптским, Краковским, Петербургским, Варшавским. Этот факт примечателен не только как свидетельство академической мобильности учёного, его востребованности в научном мире – это повод задуматься о том, как повлияла на научные взгляды Бодуэна де Куртенэ его работа в городах, отличавшихся языковым и культурным многообразием. Казань, Дерпт (в 1893–1918 годах – Юрьев, с 1918-го – Тарту), Краков, Варшава – города, в которых на протяжении многих веков формировался особый тип культуры – культурное пограничье, в котором происходит смешение языков и культур: русской, татарской, чувашской, эстонской, польской, еврейской.

Опубликованные в разные годы труды Бодуэна де Куртенэ свидетельствуют о том, что языковое пограничье и смешение языков были одной из тем исследований учёного; в значительной степени они способствовали и определению им основ Казанской лингвистической школы, в которой приоритет отдавался наблюдениям за живыми языками, а не обобщениям, извлекаемым из рассмотрения памятников словесности. Эти живые языки признавались Бодуэном де Куртенэ равноправными. Он писал о том, что нет привилегированных, аристократических языков, что все языки заслуживают внимания языковеда. Одновременно учёный изучал смешение языков, убеждаясь в том, что нет ни одного чистого, не смешанного языка. Этой идее во многом способствовали непосредственные наблюдения Бодуэна де Куртенэ над языковыми и культурными взаимодействиями в Казани, Варшаве, Дерпте.

Идея равноправия языков и диалектов объединила в середине 1870-х – начале 1880 годов ряд преподавателей и студентов Казанского университета, образовавших научный кружок, вдохновителем которого был Бодуэн де Куртенэ. Примечательно, что среди участников этого кружка, был и знаменитый тюрколог В. В. Радлов, который обучал собравшихся татарскому и другим тюркским языкам. Один из самых талантливых участников этого кружка – В. А. Богородицкий – впоследствии (в трудах, написанных в первой трети XX века) прославится и как учёный-татаровед: его научные идеи высоко цени-

**Нет привилегированных языков,
все языки заслуживают внимания**

лись известными татарскими лингвистами Г. Алпаровым, М. Курбангалеевым, Галимджаном Шарафом (последний был одним из его учеников). Благодаря усилиям Бодуэна де Куртенэ в Казанском университете была вновь открыта кафедра тюркских и финских языков, введено факультативное преподавание татарского языка для всех желающих.

Многогранная научная и научно-организаторская деятельность Бодуэна де Куртенэ открывалась нам преимущественно в процессе изучения лингвистических дисциплин: фонетики, словообразования, морфологии. Мне, студенту (а затем – аспиранту), специализировавшемуся в области русской литературы, не были на тот момент известны его взгляды на литературу. Они открылись для меня значительно позже, когда я стал заниматься сопоставлением татарской и русской литератур. Сопоставление невозможно без проблематизации вопросов, имеющих отношение к природе татарского и русского языков, ведь именно национальные языки во многом определяют поэтику литератур, являются основным фактором их несхожести. Знакомство с трудами

Н. Бердяева, Н. Трубецкого, И. Ильина, С. Франка, Дж. Валиди, С. Максуди, Г. Рахима, Г. Губайдуллина, Г. Ибрагимова, Г. Шарафа убеждало меня в том, что во многих моментах, связанных с пониманием национальной природы языков, литератур, культур взгляды русских и татарских философов и учёных резонируют. Постепенно погружаясь в мир татарской литературы, истории, общественной мысли, я обнаруживал, что переживания деятелей татарской культуры о судьбе родного языка, национальной литературы, культуры не чужды названным русским мыслителям, во многом определявшим на рубеже XIX–XX веков развитие русской философской и эстетической мысли.

**Нет ни одного чистого,
не смешанного языка**

Бодуэна де Куртенэ можно поставить в этот ряд не только как учёного-лингвиста, отстаивавшего в своих трудах идею множественности языков, но и как гуманиария, не замыкавшегося исключительно рамками академической науки, развивавшего их в своих политических и общественных выступлениях. В своей речи по случаю сотой годовщины Дерптского университета (1902) Бодуэн де Куртенэ выступил на немецком языке в защиту равноправия языков народов Прибалтийского края, в котором, по его убеждению, рядом с государственным, русским, языком в равных с ним правах должны существовать немецкий, эстонский и латышский языки. Выступление на немецком языке в университете, где с конца XIX века преподавание велось на русском языке, было смелым для того времени шагом. Это одно из многочисленных свидетельств неконформизма учёного, который и в своей научной деятельности зачастую шёл против течения, отвергая или ставя под сомнение устоявшиеся научные догмы.

В своей автобиографии Бодуэн де Куртенэ писал, что «пристрастие к полемике и публицистическим выходкам» наделало ему много недоброжелателей, но именно это качество учёного во многом способствовало его научным открытиям. Бодуэна де Куртенэ, например, не удовлетворяла работа под руководством известного профессора славянской филологии и декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета И. Срезневского, которому были непонятны новаторские идеи молодого учёного. В свою очередь сам Бодуэн де Куртенэ не мог смириться с отведённой ему маститым профессором участью составителя словаря польских слов, встречавшихся в латинских грамотах.

Эта свобода от предвзятых и рутинных научных взглядов прививалась Бодуэном де Куртенэ и своим ученикам, участникам организованного им в Казани лингвистического кружка. По воспоминаниям его участников, Бодуэн де Куртенэ избегал в своей научной деятельности проторенных дорожек, сам прокладывал новые пути и призывал к этому своих последователей.

Свобода мысли определяла не только научную деятельность учёного: в не меньшей степени она проявилась в его многочисленных публицистических выступлениях. Их тематика различна, но в большинстве своём сконцентрирована на вопросах современного состояния национальных языков и культур. Его труд «Национальный и территориальный признак в автономии» (1913) в мои студенческие годы был мне не доступен: он не вошёл в двухтомное академическое собрание избранных трудов учёного, отсутствует в фондах университетской библиотеки. Познакомился я с этой скандальной брошюрой учёного (за её издание Бодуэн де Куртенэ три месяца провёл в Крестах) относительно недавно, благодаря Интернету (см.: <https://www.priib.ru/item/351057>).

В ней учёный не только выступает

как поборник идей национально-территориальной автономии и федерализма, но и высказывает ряд ценных для сегодняшнего дня суждений относительно природы национального. Национальное для него подвижно, так как его носители «не связаны местом и административным закрепощением». У этого очевидного на первый взгляд суждения и сейчас находится немало оппонентов, воспринимающих национальную культуру как некую окаменелость, набор констант, неизменяемых культурных кодов и матриц, сквозь призму которых ими оцениваются все её феномены. Равно как и у другой мысли учёного о том, что национальное не сводимо исключительно к языку, а проявляется в совокупности компонентов, к которым Бодуэн де Куртенэ относит и национальную мифологию и религию, и народную словесность, и обряды, и обычаи, и памятники письменности и искусства. Об этом же в начале XX века на страницах татарских газет и журналов писали и татарские учёные, и общественные деятели в связи с вопросом о национальной самоидентификации. Г. Ибрагимов, Г. Шараф, Г. Губайдуллин выступали против приверженцев идеи общетюркского языка, единого для всех тюркских народов. Они критиковали её с позиции множественности тюркских языков и культур, которая предполагает, что каждый (каждая) из них, обладая собственной идентичностью, вступает в многочисленные диалогические отношения с другими, родственными, языками и культурами. Позднее, на Первом тюркологическом съезде (Баку, 1926), Г. Ибрагимов и возглавляемая им делегация татарских учёных выступили против тотальной латинизации тюркских алфавитов, за предоставление тюркоязычным республикам права самостоятельно решать этот вопрос, исходя из собственной истории письменности, книгопечатания, языка и литературы.

В публикациях Г. Ибрагимова по итогам съезда отношения между тюркскими культурами определяются как «литературно-культурная федерация». Федерализм был одной из основ социально-политических и культурологических взглядов Бодуэна де Куртенэ. Именно федеративная модель политического устройства России виделась им как наиболее благоприятная для развития культур населяющих её народов.

Недавно в университетской библиотеке я нашёл одно интересное издание – «Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос» (Петроград, 1916). В нём представлены литературы народов, населявших Российскую империю: фин-

***Федеративная модель устройства России
виделась учёным как наиболее благоприятная
для развития культур населяющих её народов***

ская, эстонская, латышская, литовская, малорусская (украинская), еврейская, польская, грузинская (даны образцы произведений из этих литератур в русскоязычных переводах и предваряющие их обзорные статьи). Издание интересно не только как факт внимания к национальным литературам в имперском культурном пространстве (примерно в то же время руководимым М. Горьким издательством «Парус» было выпущено три сборника: армянской, латышской и финской литератур) – его первая часть содержит посвящённые национальному вопросу статьи известных деятелей культуры, в том числе, и Бодуэна де Куртенэ. Он пишет о множественности национальных языков и культур и о практических мерах к осуществлению мирного сожительства разных народов в России: признании «полного, принципиального, юридического равноправия всех языков»; свободу самоидентификации, предоставление возможности изучать различные языки в школах («В школах известной народности необходимо предоставить возможность знакомиться с

другими местными языками, то есть с языками и литературами инноплеменных сограждан. Прекрасный пример даёт нам Финляндия. Там каждому финну предоставляется возможность усвоить себе шведский язык, а каждому шведу – возможность овладеть финским языком. Точно так же в польских школах Варшавы и Царства Польского вообще должно быть введено факультативное преподавание местного еврейского языка... ученикам русских школ Казани должна быть дана возможность знакомиться с татарским языком, и наоборот».)

Все эти меры (будь они приняты законодательно) видятся И. А. Бодуэну де Куртенэ как основа для развития национальных языков, литератур, культур. Спустя столетие идеи учёного не утратили своего значения. Вопрос о национальных языках и литературах и сейчас сохраняет остроту. Очевидно, что многочисленные труды Бодуэна де Куртенэ, опубликованные в разных журналах и в виде отдельных изданий, могут быть интересны и полезны не только для

учёных-лингвистов, но и для политиков, общественных деятелей и в целом для широкого круга читателей, небезразличных к современному состоянию языков и литератур и их будущему.

Научная деятельность Бодуэна де Куртенэ была связана с разными университетами, но становление его как учёного-организатора происходило в Казанском университете, о чём, безусловно, знает современное поколение университетских профессоров и преподавателей. Представляется, что именно учёные Казанского университета могли бы выступить с идеей издания нового собрания сочинений Бодуэна де Куртенэ, включающего не только труды по языкознанию, но и другие сочинения. Такая инициатива в год 175-летия со дня рождения учёного и 145-летия начала его научно-преподавательской деятельности в Казанском университете, безусловно, найдёт отклик во всём научном мире, признающим достижения созданной Бодуэном де Куртенэ Казанской лингвистической школы.

